

Игорь Шестков "Вечер Литвиненко"

Мама поучала меня: «Ничего никому не обещай. И вообще, засунь язык в задницу!»

Я всю жизнь нарушал эти мудрые правила. Меня ловили на слове, позорили. Вот и сейчас – черт меня дернул обещать Б-ву, что напишу про фильм и презентацию книги о Литвиненко на проходящем в Берлине Международном Литературном Фестивале. И не просил он меня об этом, сам напросился... А теперь, не знаю, что писать, как писать. Книгу я не читал, только авторов видел. Никакой информации, одни эмоции. Распласталась белая страница на мониторе, как простыня. И нет на ней даже пятнышка, зацепочки, чтобы прицепиться и буквами простынку прострочить.

Тишина. Только комп вентиляторами шуршит. Работает. Он работает, вентиляторами шуршит, а я... А мы... Мы живем еще. Дышим. А Литвиненко – мертвый. И Политковская. И Щекочихин. И Старовойтова. И многие, многие другие. Все, кто хотел правду сказать. О путинской педофилии, о взрывах в Москве и рязанских учениях, о наворованных чекистами миллиардах, о Чечне, Курске, Нордосте и Беслане...

Началось это с подлого убийства отца Александра Меня в сентябре 90-о. Что-то в этом преступлении было особенное. Послышалась в нем загадочная нота нового времени. Фальшивая нота...

Даже не нота, а скрип, хруст. Россия расчерчивала костями подданных новый круг смерти.

Решил тогда – пора, пора сматывать. Не хочу больше вариться в этом протухшем бульоне... Не хочу быть палачом, предателем или узником. Стану лучше немцем.

Приснился мне в ночь перед фестивальным вечером сон. Будто еду я по аэродрому. По взлетной полосе. Ночью. Полоса во все стороны разбежалась. Может, всю Землю покрыла. Дождь в воздухе висит. Лужи. Еду я или мой задрипанный лирический герой или двойник или хрен-его-знает-кто почему-то в открытом джипе. В американском. Времен войны. В компании каких-то гнусных темных типов. Кто такие? Демоны? Нет, скорее гэбисты. Куда едем? Зачем?

Гэбисты поют сиплыми голосами – мы едем, едем, едем, в далекие края, хорошие соседи и добрые друзья...

А мой паршивый альтер эго им подпевает.

Шутки в сторону! Я пленник и везут меня к самолету, чтобы с Родины выслать. С какой такой Родины? С той самой. А я хоть и пою, но трясусь как кролик. Неужели посадят в самолет?

Самолетов вокруг – яблоку негде упасть. Все с пропеллерами. Размером самолеты с пятитонку. Не больше. Детские как бы. И сделаны из толстой резины. Колеблются противно так... Дырки в них рваные. Из дырок марсиане смотрят. Светятся в темноте их красные глаза. Приглашают, тихо. Иди к нам! Мы тебе коржик подарим, с тыквой и яблоками, обедение!

Подъезжаем к какому-то самолету. Никак Геркулес. Только маленький. Тоже из резины. Вылезаем из джипа. Подался я было к самолету. Остановили гэбисты. Встали вокруг меня кругом. За руки взялись и прыгать начали. Вместе. И запели медленно и тяжело – прыг-скок, прыг-скок, баба села на горох... Попробовал из круга выдраться. Отпихнули грубо. Один просипел мне – прыгай! И я начал с ними прыгать.

Попрыгали, перестали. Всучили мне большой сверток, сели в джип и уехали. А я со свертком в резиновый Геркулес полез. Входа не было. Только какой-то лаз в хвосте. Карабкался, карабкался... Сверток впереди себя толкал. Занял место на откидном сиденье, у не застекленного окна. Сверток на колени положил.

Марсиане дали мне коржик. С тыквой и яблоками. И вот, жую я коржик, вкусно, но тянет меня посмотреть, что там, в свертке. В окошко поглядел – вокруг нас полоса пустая. Только джип стоит невдалеке. Все гэбисты из него вылезли, курят, посмеиваются и в мою сторону поплевывают. Ждут чего-то. Не удержался, развернул сверток, а там голова Литвиненко. Живая. И говорит мне голова: «Я – бомба, бомба, бросай меня скорее...»

Мне муторно, страшно. Кидаю голову в сторону джипа. Прямо через иллюминатор. И вижу, как она катится по асфальту, касается заднего колеса машины и взрывается. Огромный огненный шар на вытянутой ножке висит над полосой...

Зашел перед отходом в интернет, на «Грани», новости проглядел. Вот тебе и на! Правительство в отставке. Испуганный диабетчик Фрадков, лизнув напоследок плоскую задницу президента, ушел. И все правительство с ним. Ушел, но остался. В ожидании смены. Которая не замедлила появиться. И какая достойная смена! Бывший главный осеменитель свиновхоза «Питерское раздолье», первый секретарь Мухосранского Горкома КПСС, товарищ Зубков. Кремлевская кликуха – Совхознавоз. Старенький. Стало быть, поправит полгода, закашляет, заскулит, на пенсию попросится. Уйдет. И осиротеет Русь. Все заплачут. Как на Девичьем поле плакали... Тут раздадутся призывы, вначале робкие, а потом крещендо, где Вий? Позовите Вия! И он придет. Вылезет из лубянского подземелья, весь обросший иностранными денежными знаками, с железными дзержинскими веками на бесцветных глазках.

А интеллигенты всполошились, взъерошились... Поздно, котятки, царапаться. Прозевали вы свое времечко. Теперь тягомотина доооолго тянуться будет. Пока смя-мяо не придет.... И забеременеет кузнечик. И заалеет восток.

По дороге на фестиваль прошли мы с подругой по Фазаненштрассе. Шик, блеск, красота. Зашли в галереи. Объясните мне, всезнайки, почему дома, фасады, машины – шик, блеск, красота, а искусство в светлых, просторных галереях – гадость, ложь, подлое повторение давно, еще в шестидесятых годах, прожёванного материала. Упражнение в цинизме. Удадьство мертвых душ. Что стало с искусством? Почему художники потеряли уважение к форме, к глубине, к поверхности. Ко времени, которое скукожили, к пространству, которое сжали до мнимости. Нет больше ни мастеров, ни учеников, ни умения, ни соревнования. Кого захотели невежи-галеристы сделать гением, тот и гений. А если у тебя нет денег – извини, подвинься, никому твое мнение не интересно. Помню, кормила сестра морскую свинку и черепаху свежей белой капусткой. Так свинка все время толстым задом маленькую черепашку от капусты оттесняла. Вот так и в современном искусстве – оттеснили денежные мешки настоящих мастеров от денег, галерей, выкинули из времени и пространства и жрут, чавкая, свою черную капустку сами. А зритель на «новое искусство» и смотреть не хочет...

Перед кино вспоминал картинки новостей прошлого года.... Литвиненко на смертном одре. Желтое измученное лицо. Глаза уже туда смотрят. Отравили полонием. Был такой придворный негодяй. Дочку-красавицу как приманку использовал. За занавеской подслушивал, сволочь.

Один грамм полония убивает миллион лошадей. А что делать, если его на твоей родине тонны? Одни Полонии да Розенкранцы. А лошадей больше нет. Что делать, если сам воздух твоей страны пропитан ядом раболепия и презрения к бескрылым курочкам? Ты его в легкие... А он их травит, превращает в дрожащие гнойные жабры... Вот и стали люди ершами.

Маленький зал в пристройке. Публика культурная. Интеллигентные женщины, страдающие мировой скорбью. Выражение лиц – знаем, слышали, понимаем и вашего, как его, Пушкиногоголя читали. Архипелаг Кулак. И фильм видели. Роль Маргариты исполняла Мадонна. Небесно!

Кроме женщин – несколько косолапых волков, сотрудников российского посольства. От этих особенным холодом веет и бесконечной наглостью. Почему Запад разрешает толочься тут всему этому сброду? Ссаными тряпками гнать нечисть назад, на Лубянку, в их гноехранилище, в волчье гнездо... Эмигранты, те хоть какое-то почтение имеют. К стране, к культуре. А эти...

Появился режиссер Андрей Некрасов. Высокий, в кудрях. Русский Дартаньян. Показали фильм. К сожалению, по-английски. А я английский со школьных времен ненавижу. В каждом третьем кадре выныривал сам Дартаньян. Во всех ракурсах. Задумчивый. Озабоченный. Глубоко сочувствующий. Еще более глубоко сочувствующий. И еще немножко глубже...

Березовского снимали крупным планом. Неприятное лицо. Старческие пятна и пятнышки, морщины, отвислости, не лицо, а шагренева кожа. Портрет Дориана Грея, тот, последний, ужасный...

Умный еврей, обаятельный... Но гордыни в нем... Океан... Вот, что деньгищи с человеком делают. А ведь на лице уже кладбище видно. И крестики и звездочки и надгробья. Ухмылочка, еще одна, и еще одна, покруче, легкое разочарование, жалоба, опять ухмылочка. Скользкий дядя...

Показывал Некрасов и несчастную Политковскую. Красивая, печальная

женщина. Единственное, что я понял из ее английской речи – никому ее работа не нужна. Не хотят русаки ничего знать про Чечню. Им так легче семечки лузгать. Казалось, она предчувствовала смерть. И, может быть, даже желала ее. Сколько можно орать в пустоту. Показывать убитых детей. Взывать к милосердию, которого нет... Их же ни в чем не убедишь, они давно уже перестали быть людьми, отупели. Воют только над своими. А на других им плевать. Зачем горло срывать? Они все равно не услышат. Будут и дальше тележвачку жевать, смоченную ядовитой путинской слюной.

Сидят напротив друг друга Некрасов и Литвиненко, тени фиолетовые на белый экран отбрасывают. Неудачная декорация...

То, что говорит Литвиненко, думающие люди моего поколения понимали шестнадцать лет отроду.

... КГБ-ФСБ – организация государственных бандитов, в прошлом обслуживавшая партийных боссов, а теперь государственных начальников и всех, кто хорошо платит... Занимается слежкой, шпионажем, вымогательством, шантажом. Контролирует финансовые потоки и ресурсы, крышует экспорт в Европу наркоты... Опасность для всего человечества...

От его откровений разило наивностью неопита... Догадался. Хорошенько им послужив. Поработав в Чечне... Сколько же тебе понадобилось времени, дорогой Саша, чтобы понять очевидное...

Фильм закончился. Поаплодировали Некрасову. Заслуженно, хотя фильм был серый. Задали несколько общих вопросов. На которые Некрасов также общо отвечал.

Моя подруга, английским владеющая еще хуже меня, спросила шёпотом – зачем Литвиненко отравил Березовского? Неужели для того, чтобы сделать приятное Путину на его день рождения? И что там была за женщина, вроде бы полячка? Правильно, ответил я – это полячка, Марина Мнишек...

После небольшой паузы приступили ко второй части.

На сцене установили стол. Вначале чтец читал книгу по-немецки. Минут сорок. Я задремал. Затем миловидная вдова отвечала на вопросы. Ясно, четко,

эмоционально. Формулировки ее речи были явно отточены многократным повторением. Марина Литвиненко борется за честь и достоинство мужа. В конце выступления она заявила: «Если когда-нибудь в России захотят узнать правду о том, каким был Саша, я поеду, я расскажу...»

В том то и беда, что они знают, каким он был, за это и казнили...

После вдовы выступал господин Гольдфарб, похожий на уменьшенную в значении копию своего патрона Березовского. То же лицо. Те же гримасы, ухмылочки, переходы от легкого презрения к доверительному тону, затем к иронии и завуалированному усталому хвастовству...

Господин Березовский решил, что поддерживать оппозицию в России это выбрасывать деньги на ветер... Через меня прошли десятки миллионов долларов... Надо доказать западным странам необходимость скоординированного давления на Россию... Как Рейган на СССР....

Все вроде правильно. Но почему неприятно его слушать? Как-то слишком легко перечеркнул денежный мешок Березовский и за ним его подручный Другую Россию. Оскорбив этим многих честных российских демократов. Показал им шиш. Переложил ответственность.

Говорил Гольдфарб умно, тонко, политично. Но ничего нового не сказал. Почти в каждом его тоне слышалось зевающее высокомерие богатого, хорошо устроившегося иудея. Капризная брезгливость интеллектуала. Рискуя навлечь на себя гнев сверхчувствительного читателя, заявляю – этот обаятельный гонор – главная причина ненависти к евреям во все времена. Не их деньги, не их талант, даже не мнимая богоизбранность. Масляная вкрадчивость... Трупный яд приветливости вечного жида.

А не наплевать ли тебе, дружок, на бывшего гэбэшника и его семью? По-немецки звучит твоя книжка как-то плоско, пресно. И сварганил ты ее удивительно быстро. Спринтер.

По дороге домой говорил сам с собой.

Ну вот, посетил ты эту презентацию, посмотрел фильм. Прояснилось что-нибудь в башке? Нет. Кто убил Литвиненко? Какой-нибудь гэбэшный генерал, на

которого Литвиненко, отличавшийся хорошей памятью, компроматик завел. Или крупный чиновник. Начальник. Путинский банщик. Или резидент в Англии. А может и сам Путин. Не важно, кто приказывал, кто выполнял. Его убила Родина-Мать. Это главное. Послала этим сигнал. Не только Березовскому, всем нам, эмигрантам, всему русскому Зарубежью. Сидите тихо, или всех траванем. Будете корчиться, б.яди! А нынешние ваши хозяева нам слова не скажут.

Мы этот сигнал поняли. Другого и не ожидали. Все в порядке. Мир таков, каков он только и может быть.

В киоске у вокзала мы купили два вегетарианских дёнера с козьим сыром. Дома пили чай с медком.

Утром, за кофе, я спросил свою немку – что тебе из вчерашнего больше всего запомнилось? Она ответила – элегантные туфли господина Гольдблюма. Тебе такие не по карману...